

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Богданов В. В., Макаренко С. Н., Байлов А. В.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия (344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42), e-mail: wbogdanov@gmail.com

Проведено исследование роли социальной памяти в становлении правового сознания. Выявлены противоречивые стратегии, лежащие в основе формирования социальной памяти и правового сознания. Обоснованы возможности взаимодополнительности и сближения этих стратегий на основе единства функций обыденного сознания, общие механизмы обыденной стратегии сознания, отвечающие за устойчивость, приспособление и выживание. Исследованы различия теоретических конструктов социальной памяти и исторической памяти, показано их отношение к эволюции общественного сознания вообще и правового сознания в частности. Показано, как на основе методологии П. Бергера, П. Бурдьё, Э. Гидденса, Н. Лумана, посредством структур повседневности, неосознанно, опосредуются механизмы эволюции правового сознания в соответствии с определенными схемами, гарантирующими эффективность повседневных практик, что позволяет сблизить стратегии социальной памяти и правового сознания. Доказано, что в историческом исследовании эволюции правового сознания интерпретация правовых артефактов как компонентов социальной памяти остаётся действенным инструментом. Аргументирована позиция, согласно которой кризис органической целостности современного общества, его атомаризация, доминирование факторов индивидуальности и различия, понижение роли национального государства отразились на институтах передачи социальной памяти и традиций: семье, школе, государстве, идеологии. Социальная память оказалась лишена прочной опоры и не совместима с плюрализмом интерпретаций, договорных отношений, диалогическим постмодернистским дискурсом. Показано, что историческое сознание не смогло компенсировать роль социальной памяти в становлении правового сознания.

Ключевые слова: правовое сознание, память, социальная память, история, идентичность, обыденное сознание.

SOCIAL MEMORY AS A FACTOR IMPACTING THE FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS

Bogdanov V. V., Makarenko S. N., Baylov A. V.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (344006, Rostov-on-Don, bolshaya sadovaya st., 105/42), e-mail: wbogdanov@gmail.com

The research of the role of social memory for the formation of legal consciousness has been conducted. The authors have discovered contradictory strategies of the formation of social memory and legal consciousness. It has been proved that the aforementioned strategies can complement each other on the basis of the unity of the functions of mundane consciousness. General mechanisms of the mundane strategy of consciousness responsible for stability, adaptation and survival have also been dwelled upon. Theoretical constructs of social and historical memory have been juxtaposed to spot differences between them in relation to the evolution of public consciousness in general and legal consciousness in particular. Mechanisms of the evolution of legal consciousness are shown to be subconsciously mediated via mundane structures on the basis of the methodologies put forward by P. Berger, P. Bourdieu, A. Giddens, and N. Luhmann. The mediation occurs according to specific patterns providing the effectiveness of mundane practices which allows to bring together the strategies of social memory and legal consciousness. The interpretation of legal artefacts as social memory components has been proved to be an effective tool within the historical research of the evolution of legal consciousness. Besides, the authors argue that the crisis of the integrity of modern society, its atomization, domination of individuality and diversity and the undermining of the national state role have affected family, school, state and ideology - institutes responsible for sharing social memory and traditions. It turns out that social memory is devoid of firm support and is incompatible with the interpretation pluralism, contractual relations and post-modern discourse. Historical consciousness is displayed to have failed to replace social memory as a factor playing the key role for the formation of legal consciousness.

Keywords: legal consciousness, memory, social memory, history, identity, commonplace consciousness.

Механизмы социальной памяти во все времена представляли интерес и использовались как в целях социализации, социальной идентификации, социокультурной адаптации передачи традиций, так и в целях манипулирования общественным сознанием, лоббирования интересов, представлений и ценностей определенных социальных групп и институтов. Соответственно, использование этого инструмента может служить как ускорению прогресса и динамики социальных процессов, так и консервации устаревших социальных технологий и приоритетов; способствовать как деструктивным, так и созидательным тенденциям; поддерживать социальную стабильность или выводить ее из равновесия. Каким бы ни было избирательное качество социальных технологий селекции предшествующего опыта, все они, безусловно, направлены на будущее, на формирование определенных оснований и стратегий социальных отношений. Столь же бесспорным в работах исследователей социальной памяти, независимо от дисциплинарной специализации и принадлежности к определенной исследовательской традиции, признается и конструктивистский характер базовых ценностей социальной памяти. Социальная память в значительной степени предопределяет и обуславливает дальнейшее самоопределение сознания как отдельного индивида, так коллективного сознания. Однако она не перестаёт при этом быть нарративом, в значительной степени формируемым эксплицитно, авторитарно, под воздействием внешних источников и зачастую не рефлексивно.

Правовое сознание по своей природе является активной деятельностью самоопределения, формирующей как сами ценности, так и соответствие им реальных правовых отношений, самостоятельно производящее оценку пред-данного социального, исторического нарратива, компаративистски соотносящее различные исторические нарративы, и потому в любой момент способное выйти за рамки ценностей первичной социализации. В этом взаимодействии исходных интенций социальной памяти и правового сознания существует очевидная контрадикция. Как и каким образом активное по своей природе правовое сознание уживается с консервативным нарративом социальной памяти, и представляет интерес предпринятого исследования.

Помимо акцидентальных различий в механизмах закрепления и интерпретации социальной памяти и самостоятельного конструирования сознанием своего отношения к базовым характеристикам права, существует и множество других, не менее важных факторов для понимания отношения социальной памяти и правового сознания. Объем информации (фактов, интерпретаций, нарративов различного уровня, коллективного бессознательного), сохраняющийся в социальной памяти, несравнимо превосходит объем информации, использующийся «здесь» и «сейчас» общественным сознанием вообще и правовым сознанием в частности. Однако, как показали П. Бергер, П. Бурдые, Э. Гидденс, Н. Луман и

др., избирательность актуальной для настоящего момента информации из огромного «архива», хранящегося в социальной памяти, происходит посредством структур повседневности неосознанно, опосредуя функционирование активного по своей природе правового сознания в соответствии с определенными схемами, гарантирующими эффективность повседневных практик. Включаются механизмы обыденной стратегии сознания, отвечающие за устойчивость, приспособление и выживание.

Успешная деятельность обыденного сознания, согласно выводам психологов, обеспечивается не опорой на наличие у человека каких-то определенных качеств и способностей, а стремлением объединять в своей индивидуальной системе деятельности прямо противоположные свойства, интегрировать различные формы репрезентации, сочетать, например, объектное и субъектное восприятие ситуации. Теоретическое мышление в рамках выводов психологов является неотъемлемым компонентом обыденного сознания и рассматривается ими как отношение части (теоретическое) к целому (обыденному). Теоретическое (рефлексивное) мышление есть лишь орудие, созданное обыденным, практическим мышлением, которое и обладает творческим потенциалом, свойства же последнего наиболее полно выражают коренные свойства «человеческого мышления вообще». Главное достоинство обыденного сознания – абсолютное стремление к устойчивости, субстанциальности, преодоление всякой двойственности, рефлексивности, скепсиса. То, что считается полезным для науки (сомнение, рефлексия), обыденное сознание всеми средствами пытается свести к устойчивости, обыденное сознание сглаживает все возможные теоретические затруднения. Для такого сознания характерна установка на принципиальную понятность себя и реальности.

Общественное сознание выражается в праве в своей всеобщей природе потому, что в качестве права оно существует как самопознание, а не как один из видов социальной реальности, тем самым (в качестве самопознания общества) право пронизывает и определяет все особенные сферы социальности. В правовых понятиях общества и индивида выражается общезначимое содержание любой социальной сферы. Другое дело, что на ступени обычая или морали право ещё не выступило в своей адекватной содержанию всеобщей форме и достигает своего окончательного оформления в качестве гарантированного государством права.

Таким образом, правовое сознание обладает в любой момент сразу двумя интенциями: обыденной и рефлексивной. Если в вопросе осознанного выбора ценностных нормативов доминирует рефлексивная, критическая тенденция, то в реализации жизненных установок, в повседневной практике абсолютный приоритет за обыденной стратегией. Любое сознание, независимо от степени его развитости и самоопределения, мотивировано «охранительной

функцией» (приспособления и выживания) обыденного сознания. «В условиях, когда накопленный человечеством информационный фонд многократно превосходит способности индивида по его восприятию и переработке, эффективным инструментом рациональной деятельности становится интеллектуальный фильтр. Применяемый сознательно, он способен снижать информационные нагрузки на индивида, высвобождая его психофизиологические ресурсы. А детерминирование процедур интеллектуальной фильтрации в информационных системах способно значительно повысить их эффективность» [5, с. 246-247].

Обыденное сознание в течение всей жизни человека находится в процессе свободного самоопределения, преодолевая одни автоматизмы и тут же формируя новые. Для него принципиально важно сократить время сомнения, поиска и поскорее возвести «показавшиеся эффективными» методы, правила, ценности в привычку. «Решать проблемы по мере их поступления», максимально сокращать горизонт планирования, «не ломать голову» раньше времени – это его правила. Но в этой «беспечности» и преимущество, «охранительная» функция обыденного сознания, придающая его носителю внутреннюю устойчивость, упорядоченность, покой, стабильность и относительную безопасность. В этом главная ценность такой в принципе консервативной стратегии обыденного сознания. А если признать этот вывод в отношении обыденной стратегии сознания верным, то правовое сознание оказывается укоренено на одном и том же основании, что и социальная память. Сознание производит выбор ценностных ориентиров и «успешных» технологий, но делает оно это, сканируя ценности и технологии успешных, по его мнению социальных групп. Таким образом, в конечном итоге, правосознание, несмотря на свою активность, само приходит к тем установкам, которые внешним образом, в результате манипулятивных технологий внедряются в конструкции и нарративы социальной памяти правящим классом.

И наоборот, тенденцию к сближению механизмов правового сознания и социальной памяти обнаруживает рассмотрение и самой социальной памяти. Наиболее частым основанием фиксации противоречий между общественным сознанием и социальной памятью являлось фактическое отождествление исследователями исторической и социальной памяти. Приравнивание исторической и социальной памяти, рассмотрение социальной памяти как составной части исторической, несомненно, представляется эвристически неточным. Подобное уподобление обедняет эпистемологический потенциал исторической и социальной памяти, нивелирует их глубинные смыслы, оставляя в стороне их сущностные, концептуальные основания и парадигмальные характеристики. Здесь скорее можно говорить о том, что социальная и историческая память взаимодополняют друг друга. «Исторический опыт предстает как продукт функционирования социальной памяти. Он развивается не по принципу дополнения и преодоления, а в постоянном преобразовании,

когда новый социальный опыт приводит к необходимости постоянного пересмотра, переосмысления всего содержания истории и к появлению нового исторического опыта становящегося исторического человека» [7, с. 18].

По мнению М. Хальбвакса, история «начинается в тот момент, когда заканчивается традиция» [8, с. 24]. История приходит на смену устным преданиям. Влияние архетипических образов на память ослабевает. Память становится менее зависима от мифологического и коллективного сознания, традиции, ритуализированного высказывания. В истории происходит десакрализация прошлого. В ценностно-смысловом поле предания нет разделения на – значимое и случайное. То, что при первом приближении может показаться несущественным, в действительности содержит жизненно важные, глубинные смыслы. В истории же фиксируются наиболее значимые события и исключаются второстепенные явления. Получается, что мы можем говорить об истории не как о сокровищнице памяти, а как о «машине забвения». Исторический опыт всесторонен, наиндивидуален. Событие, сохранившееся в истории, обладая потенциалом исключительности, всепроникающей значимости содержит в себе структурообразующие смыслы, которые являются поворотными для хода развития цивилизации. Память же, как таковая, отягощённая субъективным опытом. «То, что мы называем памятью – это уже не память, а история, которая поглощает память» [1, с. 24], если речь не идёт о непосредственном участнике событий прошлого. Но и в этом случае, если память не соотносится с социумом, то она недолговечна. «Память в виде субъективной способности подвержена исчезновению, если она не подхвачена другими индивидами или не передана действиями индивида предметам. В субъективной форме прошлое превращается в прошедшее и исчезает» [6, с. 7-8]. Целью политизации прошлого является репрезентация, выявление наиболее приемлемого, а стало быть, легитимного представления о прошлом на основе осмысления механизмов историко-культурного наследия. Конечной задачей этого процесса является определение коллективной идентичности и самоопределения личности. Историческая данность, проникая в ткань социокультурного процесса, порождает стандарты социально значимого поведения. Таким образом, «в историческом исследовании эволюции правового сознания интерпретация правовых артефактов как компонентов социальной памяти остаётся действенным инструментом» [3, с. 15].

Вместе с тем история выступает как системообразующее начало социальной общности. Дело в том, что появление социальной памяти является результатом атомизации общества как единого организма, что приводит к возникновению отдельных социальных групп. В обществе постмодернистского типа, где любое мнение равноудалено от истины, а социальные нормы размыты, история и память не содержат тождественных свойств.

Прошлое, как известно, не предсказуемо, но вместе с тем не следует забывать, что история, прежде всего, не объект интерпретаций, а территория ответственности. Современный голландский философ Франклин Анкерсмит подчеркивает некорректность использования самого термина «историческая память». Разводя категории истории и памяти, он пишет: «Понятие истории обладает аурой неотвратимого, неизбежного рока, а понятие прошлого, похожим образом, указывает на объективную реальность, расположенную вне нашего влияния, и нашей досягаемости. С памятью, несомненно, все обстоит по-другому. Обычно мы вспоминаем что-либо, если хотим вспомнить» [2, с. 24]. На материале становления оппозиции исторического исследования и национальной памяти от М. Хальбвакса до П. Нора обществоведами было зафиксировано исчезновение коллективной памяти, которая всё более стала подменяться внешним историографическим дискурсом. Память исчезла потому, что исчезли сами группы – носители коллективной памяти; потому и обострился интерес к памяти, что ее больше нет. Вместе с потерей органической целостности общества «повисли в воздухе» и институты передачи социальной памяти и традиций: семья, школа, церковь, государство, идеология. Память, в концепции французских историков и социологов, абсолютно не терпит плюрализма интерпретаций, а это значит, что ей невозможно существовать в эпоху диалогического постмодернистского дискурса. Пафос воспитательной функции истории, призванной спланировать нацию, внушать уважение к государству и ценности права искусственно воспринял на себя функции социальной памяти. Потребность в этих функциях остается, но историческое сознание выполнить их не может, и выполнять не имеет оснований.

Таким образом, сблизить позиции и функции социальной памяти и правового сознания оказалось возможным, их взаимовлияние предстало как необходимое, но остались ли институты социальной памяти, осталось под вопросом. Авторский коллектив по исследованию социальной памяти отвечает на этот вопрос утвердительно: «Историческое сознание не сводится к исторической памяти, но без неё нет и исторического сознания. Такое общество вынуждено вращаться в античном доисторическом круговороте, воспроизводстве одних и тех же природных доминант, облакаемых в разные маски и насаждаемых с помощью ремейков одних и тех же мифов. В такой ситуации нет и социального запроса «проверить собственные предпосылки». Историография лишь реагирует на эти запросы» [4, с. 112].

Список литературы

1. Автономова Н. С., Караулова Ю. Н., Муравьева Ю. А. Культура, история, память // Вопросы философии. – 1989. – № 3.

2. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007.
3. Бачинин В. А. Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана // Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001. Вып. 12.
4. Богданов В. В., Черников П. Ю., Байлов А. В. История и память. Проект междисциплинарного исследования социальной памяти. – Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2010.
5. Коноплев Е. С. Интенсификация информационного обмена как фактор антропологического кризиса в современном обществе // Интеллектуальная собственность в гуманитарном измерении. – М.: РГГУ, 2005. – Вып. 6.
6. Оруджев З. М. Философия прошлого (или понятие прошлого не в обыденном смысле) // Вестник МГУ. Сер.7. Философия. – 2002. – № 3.
7. Терещенко Н. А. Социальная память как продукт и фактор исторического развития: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н. А. Терещенко. – Казань, 1992. – 18 с.
8. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое лит. обозрение, 2005.

Рецензенты:

Музыка О. А., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и социологии права Таганрогского института им. А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог;

Щеглов Б. С., д.ф.н., профессор, профессор кафедры философии и социологии права Таганрогского института им. А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог.